

В.Д. Камынин, С.В. Сосновских (Екатеринбург)
Концептуально-методологические интерпретации
«великой чистки» на Урале

В советский период проблема репрессий была в ряду тем, о которых было не принято распространяться. В большинстве случаев репрессии замалчивались, а когда историк все же решался коснуться проблемы репрессий, то они рассматривались им как необходимое средство борьбы с классовым врагом, препятствующим построению социалистического общества, в соответствии с надуманной теорией об обострении классовой борьбы в период построения социалистического общества. На этом фоне своеобразной «белой вороной» выглядела работа уральского историка А.В. Бакунина, в которой говорилось о том, что «в 1935 г., и особенно в 1936 и 1937 г. имели место необоснованные исключения из партии и репрессии честных и преданных партийных, советских, хозяйственных, военных работников» [1].

Подлинно научное исследование проблемы репрессий начинается со второй половины 1980-х гг. С началом перестройки происходит постепенный отход от марксистской трактовки данного вопроса. Проанализировав современную литературу, мы пришли к выводу, что тему репрессий на рубеже XX-XXI вв. рассматривают в многоконцептуальном ключе и основными концепциями являются либеральная, неомарксистская и модернизационная.

Представители либеральной интерпретации, которые доминируют в современной историографии, считают, что репрессии были неотъемлемым элементом тоталитарной системы, обеспечивающим ее поддержание: «Массовые репрессии были запрограммированы отсутствием зрелых социально-экономических условий для перехода к новому строю. Они являлись фактором сохранения незаконной власти узурпаторов» [2]. По мнению А.В. Бакунина и Р.Т. Москвиной, неизбежность репрессий связана с тем, что коммунизм основан на утопических идеях, при воплощении которых власти вынуждены лгать и обманывать народ: «Поднять такое общество на осуществление утопических целей и вместе с тем обезопасить и укрепить власть был призван не только могущественный политико-идеологический прессинг, но и особенно формирующий репрессивный аппарат, система беззакония, насилия и террора сверху донизу» [3].

Либеральные историки рассматривают репрессии как ничем не оправданный геноцид против собственного народа. По их словам, «сталинским репрессиям, в какой бы связи они не проводились, нет оправдания» [4]. Эти ученые полагают, что нельзя оправдать репрессии и лживой теорией обострения классовой борьбы в период развернутого строительства социализма, поскольку уничтожалась в ходе репрессий не оппозиция, а произвольно каждый пятый, безотносительно к образу жизни.

Большинство либеральных историков считает, что массовые репрессии второй половины 1930-х гг. были закономерным явлением, подготовленным всем предыдущим ходом событий: «Репрессии усиливаются после того, как режим сформировался, то есть террор 1937 года – это нормальное функциони-

рование сложившегося режима» [5]. Таким образом, мы видим, что механизм развертывания репрессий ими связывается непосредственно с развитием политического режима.

Либеральные историки называют массовые репрессии «стилем работы» по руководству страной» [6]. Они акцентируют внимание на непродуманности и авантюристичности многих планов большевистского руководства в период проведения индустриализации.

Сторонники традиционной точки зрения полагают, что командно-административные методы были главным двигателем так называемого социалистического строительства: «Было бы неправильно утверждать, что эти методы не имеют никакого оправдания. История свидетельствует, что они позволили организовать и сплотить общество не только в чрезвычайных условиях военного времени, но и в процессе его последующей модернизации. Используя внеэкономическое принуждение и политическое насилие, сталинское тоталитарное государство добилось невиданного ускорения темпов социалистического развития. <...> Это имело исключительно важное значение для судеб народа» [7]. Представители данного подхода избегают применять понятие «репрессии», заменяя его терминами «политическое насилие», «внеэкономическое принуждение», «командно-административные меры».

Ученые, придерживающиеся модернизационной интерпретации, считают, что репрессии являлись не следствием внутрипартийной борьбы и особых черт сталинского характера, и даже не следствием тоталитарной системы, а объективной составляющей процесса модернизации в российских условиях. Как и представители либеральной точки зрения, они полагают, что массовые репрессии были закономерным явлением. Однако, если либеральные историки связывают это с укреплением тоталитарного режима, то сторонники теории модернизации - с нерешенностью задач модернизации. В.В. Алексеев пишет: «Поскольку русская революция начала XX века не решила модернизационных задач, то ее многочисленные жертвы в значительной степени оказались напрасными. Предстояла полоса новых острых социальных конфликтов, и они стали нарастать по ходу большевистской модернизации тридцатых годов, но не переросли во второе издание открытой гражданской войны, а обрели форму массовых репрессий, которые унесли дополнительные миллионы человеческих жизней».

В.В. Алексеев признает, что модернизация «насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству и здоровью нации», что успехи были достигнуты слишком дорогой ценой. В то же время, исследователь считает, что при всей жестокости курс на ускоренную модернизацию страны объективно отвечал насущным интересам государства в ту эпоху. Автор напоминает читателям, что и в западных странах путь к модернизации не был усыпан розами. В качестве примера исследователь приводит процесс огораживания в Англии в годы правления Генриха Тюдора. Разница, по мнению Алексеева, заключается лишь в масштабах и скорости преобразований [8].

А.В. Бакунин также сравнивает методы, использовавшиеся советским руководством, с теми, что использовались в средневековье, но приходит к выводу,

что «сталинские каратели превзошли средневековых инквизиторов по средствам и методам истязания своих жертв» [9]. Следует обратить внимание и на то, что в годы огораживания в Англии, в основном, пострадали крестьяне.

Сталинским репрессиям подвергались не только крестьяне, но и рабочие, интеллигенция, духовенство, партийные работники. Именно это не позволяет, по нашему мнению, проводить сравнение между модернизацией в Англии и России, а точнее, той цены, которую заплатили эти страны за процесс перехода от аграрного общества к индустриальному.

Таким образом, в современной историографии присутствует многоконцептуальный подход к изучению истории репрессий на Урале в период «великой чистки». Представители различных интерпретаций по-разному смотрят на причины репрессий, их масштабы, значение их использования как метода «социалистического строительства». Тем не менее, есть, по крайней мере, одно обстоятельство, которое объединяет современных ученых. На него указал уральский историк Н.Н. Попов. Касаясь последствий репрессий в жизни общества, он пишет, что «"репрессированное сознание" части соотечественников остается серьезным препятствием на пути формирования свободного демократического общества в России» [10].

Примечания

1. См.: Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933-1937 гг.). Свердловск. 1968. С. 409.
2. Бакунин А.В. Репрессивная политика советского тоталитарного режима // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 7.
3. Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. В 2 кн. Екатеринбург, 1997. Кн. 2. Апогей. С.80; Москвина Р.Т. Функции репрессий в тоталитарном политическом режиме // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. Нижний Тагил. 1997. С. 40.
4. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 24.
5. Москвина Р.Т. Функции репрессий в тоталитарном политическом режиме. С. 40.
6. Винниченко О.Ю. Номенклатура и репрессии 30-х гг. (на материале местных Советов Урала) // История репрессий на Урале в годы Советской власти. С. 18.
7. Выбор пути. История России 1861-1938 гг. Екатеринбург, 1995. С. 522.
8. Алексеев В.В. Судьба России в XX веке // Судьба России: национальная идея и ее исторические модификации. Екатеринбург, 2003. С. 6. 9.
9. Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Кн. 2. Апогей. С. 145.
10. Попов Н.Н. Сталинские репрессии на Урале во второй половине 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. С. 76.

О.В. Козлова (Казань)

Национальная политика Советского Союза на рубеже 30-40 годов XX века

Понятие «сталинская национальная политика» как этап в реализации национальной политики большевиков с наибольшим основанием применимо к 30-м годам, хотя выбранный курс имел место на протяжении всего времени пребывания Сталина во главе государства. Сохраняя верность принципам больше-